

Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав и коммент. В. Крейд. -- М.: Республика, 1994.

OCR Бычков М. Н.

В начале века Бальмонт, по слову мемуариста, "безраздельно царил" в русской поэзии. Написавший целую библиотеку книг, объездивший земной шар, увлекший тысячи читателей и увлекавшийся сотнями идей, Бальмонт к 1920 г. увидел себя ненужным России, измученной братоубийственной войной и террором. Бальмонт эмигрировал в 1920 г. и до конца своих дней прожил во Франции. Не было в русском рассеянии другого поэта, который столь же остро переживал оторванность от России. Эмиграцию он называл "жизнью среди чужих". Работал он по-прежнему необыкновенно много. Только за один 1921 г. вышло шесть его книг. Поэт М. Цетлин писал вскоре после смерти Бальмонта, что сделанного им достало бы не на одну человеческую жизнь, а "на целую литературу небольшого народа".

Воспоминаний о Бальмонте эмигрантского периода сравнительно немного. Погруженный в работу, жил он уединенно и большею частью не в Париже, где в двадцатые и тридцатые годы сосредоточилась кипучая литературная жизнь эмиграции. Не считая небольших мемуарных упоминаний в книгах Н. Берберовой и В. Крымова, о Бальмонте писали десять зарубежных мемуаристов: Б. Зайцев, Ю. Терапиано, И. Бунин, А. Седых, Р. Гуль, В. Яновский, И. Одоевцева, Н. Тэффи, М. Вишняк и с наибольшей симпатией и пониманием М. Цветаева. В воспоминаниях Зайцева запечатлен образ Бальмонта московского -- эксцентричного, избалованного поклонением, капризного. "Но бывал он и совсем другой. К нам заходил иногда перед вечером тихий, даже грустный. Читал свои стихи. Несмотря на присутствие поклонниц, держался просто -- никакого театра" (Зайцев Б. Далекое. Вашингтон, 1965. С. 42). О московском периоде рассказывает и Роман Гуль, причем, по его же собственным словам, "какие-то чудовищные вещи", к тому же с чужих слов. Бунин, вообще не любивший символистов, тоже вспоминает дореволюционного Бальмонта недоброжелательно. "Это был человек, который всю свою жизнь поистине изнемогал от самовлюбленности -- еще не самые резкие слова о нем в воспоминаниях Бунина. Очерк Н. Тэффи "Бальмонт", хотя и очень фрагментарно, охватывает более широкий диапазон -- включает и эмигрантский период. "Всегда поэт. И потому о самых простых житейских мелочах говорил с поэтическим пафосом... Издателя, не заплатившего обещанного гонорара, он называл "убийцей лебедей". "Я слишком Бальмонт, чтобы мне отказывали в вине", -- говорил он своей Елене" (Возрождение. 1955. No 47. С. 66). М. Вишняк в книге "Современные записки. Воспоминания редактора" рассказывает о конфликте поэта с эсеровской редакцией журнала: "Он пришел объясниться -- вернее, потребовал от меня объяснения, как могло случиться, что знаменитого и прославленного Поэта (так Бальмонт всегда именовал себя в третьем лице) заставили сократить статью... тогда как никому не нужной статье редактора (Руднева. "Около Земли") нашлось почти в два раза больше места?" В исторической перспективе вещи смотрятся по-другому. Мало кому нужны теперь статьи уже забытого Руднева.

В воспоминаниях Яновского, Седых и Одоевцевой поэт в эмиграции показан как живой анахронизм. В известной доле симпатии к Бальмонту мемуаристам не откажешь, но его художественные достижения эмигрантского периода как будто остались неизвестными авторам этих воспоминаний. Более глубоким пониманием исполнен очерк Ю. Терапиано, включенный в настоящее издание. Что же касается воспоминаний Цветаевой, то у нее "свой Бальмонт" -- верный, благородный и неустрашимый друг: "Я могла бы вечера напролет рассказывать вам о живом Бальмонте, чьим преданным очевидцем я имела счастье быть целых девятнадцать лет, о Бальмонте -- совершенно непонятом и нигде не запечатленном... и вся моя душа исполнена благодарности".

С Константином Дмитриевичем Бальмонтом мне привелось познакомиться в начале 1925 года.

Он жил тогда с женой и с дочерью Миррой в скромном отеле около площади Данфер-Рошере; в этом же отеле жил один из тогдашних молодых поэтов. Бальмонт почти каждый день спускался к нему и порой по несколько часов кряду просиживал среди молодежи. Его обычное место было на кровати хозяина. Вокруг стола (чай, бесконечный русский чай, от которого тогда еще не отвыкли!) помещались хозяйка -- поэт с женой и приходившие почитать стихи и поговорить "представители молодой